

С. Е. МАЛОВ

К ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА *

Казахи со своим языком появились в истории как государственное и этнографическое целое только в XV в.; изучение их истории до этого времени представляет для нас большие трудности.

Язык казахов всегда отличался среди других турецких или тюркских языков своей образностью, картинностью; казахи славились и славятся своей народной словесностью, своим красочным фольклором.

Казахский язык представлялся, отчасти представляется и теперь, довольно монолитным и единым. Частично это, разумеется, не так. В Казахстане в настоящее время происходит большая работа по изучению казахских диалектов, — диалекты есть, — но все же язык казахский можно назвать монолитным и единым.

Среди причин, породивших это единство, являются и природные условия: ровность и бескрайная ширь казахских степей, которые не мешают и не препятствуют народу иметь частое и быстрое общение друг с другом. Казахстан в отношении языка не Алтай (Ойротская республика) и не Кавказ, где, что ни речка или ущелье, — то говор или диалект, а то и отдельный самостоятельный язык. И при наличии диалектов можно говорить о монолитности и целостности казахского языка не только литературного и письменного, но и устного на всем большом пространстве Казахской республики.

Богатый казахский язык образовался, разумеется, не сразу. Он имеет свою длительную историю. Казахский язык из других тюркских языков ближе всего стоит к ногайскому, каракалпакскому, ойротскому и другим языкам. С этими языками он, — казахский язык, имеет частично и общую историю.¹

Во всяком случае о крупных особенностях теперешнего казахского языка мы можем говорить и находить их в такой глубокой древности, когда казахов как целого еще не было.

Для истории казахского языка большой материал может дать нам памятник половецкого или куманского² языка «Codex Cumanicus» XIII в., законченный, правда, в самом начале следующего, т. е. XIV столетия — в 1303 г. Памятник этот, хранящийся в библиотеке св. Марка в Венеции, после мало критических изданий, наконец, теперь издан факсимиле в Копенгагене.³

* Доклад, прочитанный по случаю 20-летия Казахской республики в Общем Собрании АН СССР 1 ноября 1940 г.

¹ С. Е. Малов, Каракалпакский язык и его изучение, см. Каракалпакия. Труды первой конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР, т. II, Ленинград, 1934, стр. 200—207.

² А. Пономарев, Куман-половцы, см. Вестник древней истории, Москва, 1940, кн. 3—4 (12—13), стр. 366—370.

³ Codex Cumanicus. . . edidit Comes Géza Kuun. Budapestini, 1880. Dr. W. Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. СПбург, 1887. Monumenta linguarum Asiae Maioris. Edidit K. Grönbech I. Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1936.

Кроме половецкого языка в близкую связь с языком казахов можно поставить язык печенегов, сохранившийся, кроме русских летописей и венгерских хроник, в печенежском турецком руническом письме в Венгрии на золотых сосудах.⁴ Как в куманском или половецком, так и в печенежском языках мы имеем, например, зафиксированными, с точной датой, в очень давнее время утрату заднеязычных *g* и *γ* в конце и в середине слов в определенных позициях. Например, *тай* (гора) вм. *taγ* других тюркских языков; или *beī* (начальник, старшина) вм. *beg*, *sary* (желтый) вм. *saγuγ* и тому под.

Эта крупная фонетическая особенность — исчезновение *g* и *γ* и появление вместо них или долготы, или полугласного звука — является характерной чертой у так называемых западных или северо-западных тюркских языков, куда входит и казахский язык.

Codex Cumanicus является ценнейшим памятником для истории казахского языка. Он написан где-то на юге России в русских степях в монастыре св. Иоанна,⁵ и язык, описанный здесь, через Дон, Волгу и Урал соприкасался и был весьма близок языку степняков, кочевавших где-то восточнее половцев, частично в современном Казахстане, частично несколько севернее, т. е. этот язык степняков юга России был в некоторых отношениях похож на язык, который мы имеем теперь у казахов.

И еще можно для истории казахского языка полезные и ценные сведения почерпнуть из грамматик кыпчакского языка, писанных на арабском языке (в Египте) в XIII—XV вв. Здесь как раз можно найти сведения о переходах и чередованиях *č* || *š*, так свойственных казахскому языку по отношению, например, к казанско-татарскому языку. В этих грамматиках языка кыпчаков, т. е. того народа, который жил в Дэшт- и Кыпчак, в Кыпчакской степи, которая отчасти входит в современный Казахстан, мы, например, имеем в грамматике 1245 г.⁶ зафиксированными уже много черт, свойственных казахскому языку; например, о чередовании кыпчакского *č* в некоторых диалектах Кыпчакии с *š*, что как раз характеризует казахский язык. Например, *čeri* и *šeri* (войско) из старого *čerig*, *baγuršū* и *baγurčū* (медник) и тому под.

Более подобных фактов собрано в другой анонимной грамматике кыпчакского языка (на арабском языке), изданной в Стамбуле в 1928 г. Килисли Муаллимом Риф'атом с предисловием (на турецком языке) Фауда Кёпрюлю.⁷ Здесь, от XV в., мы имеем, например, чередование *č* и *š*: *uč* (летать) и *uš*, *käč* (переходить в брод) и *käš*, *šur* (выходить) и *čur*, *aš* (открывать) и *ač*, *aγaš* (дерево) и *aγač*, *balšur* (грязь) и *balčur*, *ačša* (деньги) и *ačša* и тому под.⁸

Все эти факты связывают казахский язык с языком степняков юга и востока России X—XV вв.

⁴ J. Nemeth, Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Budapest—Leipzig, 1932. Рец. С. Е. Малова на это сочинение см. Библиография востока, вып. 10 (1936 г.), Москва—Ленинград, 1937, стр. 168—169.

⁵ Prof. Dr. W. Bang, Ueber die Herkunft des Codex Cumanicus. Sitzungsber. d. Preuss. Akademie d. Wissensch., phil.-hist. Kl., 1913, p. 244—245. С. Е. Малов, К истории и критике *Codex Cumanicus*, см. Известия Академии Наук СССР, Отделение гуманитарных наук, Ленинград, 1930, № 5, стр. 347—375.

⁶ M. Th. Houtsma, Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894. Ср. сочинение о кыпчакском же языке Абу-Хайяна, изд. Аh. Saferoğlu в Турции.

⁷ Изложение этой грамматики на немецком языке и словарь см. S. Telegdi, Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV Jhd. Körösi Csoma-Archivum, Budapest—Leipzig, 1937, 3 Heft, p. 282—326.

⁸ Ср. Ananiasz Zajaczkowski. Manuel Arabe de la langue des Turcs et des Kiptchaks, Warsawa, 1938, Рец. на это сочинение Аh. Saferoğlu см. Ülkü, 1938, Cilt. XII, sayı 67, s. 94—96. П. Симони, Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII—XVIII стол. Вып. 3-й, Половецкий и татарский словарики, СПбург, 1908.

Еще раньше кыпчакских грамматик у Махмуда Кашгарского (XI в.) в его трехтомном филологическом сочинении «Диване» мы встречаем уже тогда языковые особенности, свойственные той группе тюркских языков — западной (по классификации акад. В. В. Радлова), к которой теперь относится язык казахов. Махмуд Кашгарский говорит, например, об употреблении *dž* вместо *j* в начале слова у кыпчаков (и огузов), об употреблении *š* вместо *š* у ягма, тухсы, т. е. у тех тюркских племен, которые жили в XI в., приблизительно там, где теперь простирается советская Казахская республика.⁹

Остановимся еще на жеканье или джекканье казахского языка в противоположность ёканью многих других турецких или тюркских языков. Свидетельство об этом чередовании *dž* || *j* мы находим, опуская данные Махмуда Кашгарского (XI в.), в VIII в. и раньше у арабских и армянских писателей (отчасти греческих), которые передают нам некоторые древние тюркские титулы и термины в произношении жителей VIII в. тех мест, где теперь Казахстан, и именно со звуком *dž* в противоположность *j* — ёканью других тюркских языков. Например, термин наследника престола *jabçu* арабы и армяне передавали нам в произношении предков казахов чрез *džabçu* и тому под., т. е. так, как бы произносили эти слова современные нам казахи.¹⁰

Казахский язык и народ до Октябрьской социалистической революции не назывался даже казахским, он именовался ошибочно или киргизским по имени другого тюркского народа — киргизов, которые в свою очередь прежде назывались нами совершенно ошибочно кара-киргизами, т. е. черными киргизами, — или еще казахи назывались киргиз-казаками и киргиз-кайсаками.

Раньше, до Октябрьской Социалистической революции у казахов существовала только народная, устная словесность.

Небольшое число грамотных пользовалось арабским алфавитом. Книги, в редком случае появлявшиеся до революции и считавшиеся написанными на казахском языке, на самом деле были написаны на татарском языке с некоторым смешением этого языка с элементами языка казахского; или они писались на том книжном мусульманско-тюркском жаргоне, которым пользовались ученые без различия национальности: и татары, и башкиры, и казахи, и киргизы. . .

Да иначе и не могло быть: ведь писавшие, преимущественно, если не исключительно, муллы, учились в Татарии или в медресах (школах) Оренбурга на татарском и арабском языках, и им, естественно, легче было писать на «мусульманско-тюркском» жаргоне, чем на заброшенном и не признаваемом нигде казахском родном языке. Да и читатели этих книжек были люди их же круга, при очень малой раньше грамотности среди казахов-степняков. Да и по содержанию эти редкие книжки были слишком специфичны и однообразны. Религия и религиозная мораль — вот все их содержание.

Вот, например, «Макулят- и кыргыз», т. е. «Казахская речь» — казанское издание 1879 г. Вот ее содержание: о четырех халифах: Абу-Бекре, Омаре, Османе и Алие, о распространении ислама и принятии ислама казахами; дальше идут сведения о священных книгах: о Пятикнижии Моисея, о Псалтыре Давида, о Евангелии Иисуса и о Коране Мухаммеда. Есть, впрочем, и фольклорное добавление о Кара-бае и Сары-бае.

⁹ Акад. В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 14—15. С. Brockelmann, Mahmud al-Kašghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im 11. Jahrh., Körösi Csoma-Archivum, 1921, 1, p. 38—39.

¹⁰ А. Н. Бернштам, О древнейших следах джекканья в тюркских языках Средней Азии, сборн. «Памяти акад. Н. Я. Марра», Москва—Ленинград, 1939, стр. 17—24.

Или вот книжка 1880 г.: «Повесть о Ходже Афана и Са'д Вакасе». В этой татарско-казахской книжке стихами повествуется о жизни Ходжи Афана в г. Басре и о щедрости Са'д Вакаса, жившего во время пророка Мухаммеда, и тому под.¹¹

Все это издавалось в большом количестве экземпляров муллами в религиозно-назидательных целях и было переложением и переводом мусульманских книжек с арабского и персидского языков.

Язык этих книжек и книг был полон арабских и персидских слов, был полон татаризмов и чагатаизмов, т. е. элементов древнего среднеазиатского тюркского, до-узбекского языка.

В истории языка нельзя, пожалуй, из двух миссионерских литератур, мусульманской и христианской, не отдать предпочтения второй — христианской. Не касаясь ее идеологического содержания, переводы христианских вероучительных и нравоучительных книг были на хорошем, понятном массовому читателю, народном казахском языке. Здесь же можно отметить записи и редкие дореволюционные издания казахского фольклора этнографами и языковедами, начиная с акад. В. В. Радлова и проф. Н. И. Ильминского.

Все это, разумеется, не прошло даром и мимо для развития казахского языка. И сами муллы наряду с арабскими легендами пользовались и казахским фольклором. Пусть это были единичные случаи, пусть это будет суррогат казахского языка, но все же все это не могло пройти бесследно в истории языка казахов.

Настоящее же богатство языка хранилось в народных низах, в народной словесности.

Народное творчество казахов носит преимущественно лирический характер. Можно, пожалуй, сказать, что все моменты жизни у казахов сопровождаются пением песен и чтением стихов и поэм.

У казахов имеется обычай «айтыс». Это — поэтические поединки или между юношей и девицей, или же эти «айтыс» были более серьезного характера, когда в них принимали участие ақун'ы — сказители, выставляемые целыми родовыми подразделениями. Эти поединки как в том, так и в другом случае, не мало способствовали подъему высокой культуры народного творчества. Здесь я укажу предания об Идиге, Шора-батыре, Бикет-батыре Копланды; поэмы: Козы Кёрпеш и Баян-слу (казахские Ромео и Джульетта), Кыз жибек (Шелковая девица); массу обрядовых песен и проч.

В конце XIX в. нельзя не отметить в истории языка казахов Абая (Ибрагима) Кунанбаева, 95-летие со дня рождения которого Казахстан праздновал на этих днях.¹²

Абай Кунанбаев, крупнейший поэт прошлого века, по праву является основоположником литературного казахского языка. Абай известен и как почитатель и переводчик Пушкина. Письмо Татьяны в его переводе читалось и пелось на казахские мотивы во всех уголках Казахстана.¹³ Переводил он еще и Лермонтова и басни Крылова.

Большой толчок к развитию казахского языка был дан в последнее наше время переводами классиков марксизма-ленинизма. В этом переводческом деле требовалась большая точность, чтобы избежать возможных кривотолков и уклонов. В истории переводов переводчики-казахи сначала стояли на ложном пути узкого национализма; они были пуристами в языке

¹¹ [А. Т. Соловьев и Н. Ф. Катанов], Каталог книг, отпечатанных в типографии имп. Казанского университета с 1800 по 1896 год. Казань, стр. 364—365.

¹² Абай (Ибрагим) Кунанбаев, Сочинения, Т. I, стихи и поэмы (на казахском языке), Алма-Ата, 1939

¹³ А. Затаевич, 1000 песен киргизского народа (напевы и мелодии), Оренбург, 1925, стр. 37, № 129. А. Э. Бимбоэс, 25 киргизских песен, см. Музыкальная этнография. Сборник статей под ред. Н. Ф. Финдейзена, Ленинград, 1926, стр. 11, № XXV.

и не допускали в свой казахский язык никаких интернациональных и русских терминов, слов и выражений. Все это они переводили на свой казахский язык. Так, «манифест» (коммунистический) они переводили через *žar* (оглашение, объявление); «революцию» переводили через *tönkegis* или *özgeris*, что значит «переворот, изменение, перемена», и т. д.

Но все это без остатка оказалось уже в прошлом.

В прошлом оказался и казахский язык эпохи феодализма и капитализма.

Одновременно с бурным развитием социалистического строительства и в неразрывной связи с гигантским культурным подъемом небывало развился, обогатился, оформился казахский язык, который стал теперь литературным и государственным языком нашей союзной республики.

В результате братского единения с великим русским народом высокая русская культура и его богатейший язык пришли в тесное соприкосновение с казахским и оказали на него свое влияние.

И это сближение казахского языка с русским в дальнейшем безусловно примет все бóльшие размеры.

Все новые слова, возникшие с момента установления советской власти, являются теперь общим достоянием всех народов Советского Союза, в том числе и казахского народа.¹⁴

Казахский язык к настоящему времени, как сам по себе, так и его теоретическая разработка и изучение достигли высокой степени. На нем уже сделан перевод шеститомника сочинений В. И. Ленина, перевод двух томов сочинений Маркса и Энгельса. Имеется несколько изданий переводов «Вопросов ленинизма» И. В. Сталина, «Краткого курса» истории партии и других Марксистских книг и статей на казахском языке.

Переведено на казахский язык много русских и иностранных классиков литературы: Пушкин, Гоголь, Некрасов, Фурманов, Маяковский, Виктор Гюго, Мопассан, Шекспир, Руставели и проч. и проч.

Развилась неслыханно художественная казахская литература; здесь можно указать на Мухтара Авезова, Жарокова, Тажибаева, Токмагамбетова и многих других.

И в то же время везде в казахских степях и аулах раздаются бодрые и свободные песни акынов и Джамбула о том, как

В сталинском нашем саду зацвели
Шестнадцать гордых жемчужин земли,
И песни счастливые радостно льются
О сталинской солнечной Конституции,
Песни колхозов, степей и заводов,
Песни о братстве великих народов.¹⁵

¹⁴ С. Аманжолов, Новый алфавит и орфография казахского литературного языка. Проект. Алма-Ата, 1940, стр. 9.

¹⁵ Джамбул, Песня о братстве, перевел с казахского П. Кузнецов, «Известия ЦИК Союза ССР» от 17 ноября 1936 г., № 266 (6123).

С. Е. МАЛОВ

**МИР АЛИШЕРА НАВОИ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУР
И ЯЗЫКОВ СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

Два века назад наш академик М. В. Ломоносов (1711—1765) выступал против тогдашнего придворного языка русских, полного варваризмов, и против языка книжного, полного церковнославянизмов. Он ратовал за единый русский литературный язык не только своими теоретическими трудами (главным образом своей Грамматикой), но и своими поэтическими сочинениями.

Он писал: „Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи“. Он радуется, что „российский наш язык не токмо бодростью и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но подобную оным... природную и свойственную версификацию иметь может“. Ломоносов находит в русском языке „великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того — богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка“.

Подобно Ломоносову, пришлось в XV в. и Алишеру Навои (1441—1501) торить дорогу в литературе среднеазиатскому тюркскому, или чагатайскому, языку, дожившему до наших дней и теперь называемому узбекским.

Этот современный нам литературный и разговорный узбекский язык прошел, разумеется, долгую историю. К нашему времени в нем образовалось две группы. В одной из них от соседства окружавших узбеков иранских народов были утрачены частично некоторые тюркские черты и особенности. Например, та группа, которая именовалась (с XV—XVI вв.) до Октябрьской революции сартами¹, имела и имеет только 5—6 гласных; у другой же группы — узбеков — их 8—9; закон тюркского сингармонизма звуков в сартовском языке строго не проводился. Но обе эти группы прекрасно объяснялись между собой, ведь они были, собственно говоря, исторически одним народом, и теперь никому в голову не придет считать узбеков и (прежних) сартов разными народами. Теперь это — не враждебные между собой группы по разным политико-экономическим вопросам, а один народ, связанный, кроме языка, и одной идеологией и пр. Если, например, у нас, у русских, кто-либо говорит с „оканьем“, то это несколько не дает представителям акающего русского говора право считать такого не русским человеком, говорящим не на русском языке, и наоборот. Теперь от современности перейдем в XV в. — время жизни Алишера Навои.

* Доложено (в сокращении) на заседании Отделения литературы и языка АН СССР.

¹ О сартах см. журн. „Живая старина“, 1910, вып. III. Ср. Акад. В. В. Струве, Х. И. Муратов и В. И. Кальянов, Институт востоковедения, см. Вестник АН СССР, 1937, № 10—11, стр. 266.

При Навои тоже были эти две группы, только они назывались не узбеками и сартами, а узбеками и тюрками, а сартами в XV в. пока еще назывались иранцы по языку.

Навои был тюрк, он противопоставлял в своих сочинениях тюрков и узбеков, но это противопоставление шло совсем не по тем причинам, чтобы нам не считать и для XV в. узбеков и тюрков одним народом. Тюрки и узбеки, как тогда, в XV в., так сарты и узбеки в XX в. были и есть одним народом.

Для тюркологов всегда было ясно, что прежние сарты (после XV—XVI вв.) и узбеки — это две группы одного и того же языка, который после Октябрьской революции именуется у нас узбекским. Мир Алишер Навои противопоставлял себя узбекам, он был тюрк — барлас — чагатай, по терминологии XV в. У нас нет особых оснований менять эту историческую терминологию, если мы не хотим смазывать и затушевывать ее наполненную своим специальным содержанием специфичность и если нет у нас к этому достаточных и уважительных причин. Конечно, делать это можно и это делают², но причин для этого в данном случае, кроме воображаемых, нет.

Этим как-то сохраняется, даже в этих названиях, особый исторический характер, исторический колорит той эпохи. И наоборот, — имеют большое значение и революционный смысл у нас перемены некоторых географических и этнических названий, чтобы забыть и вычеркнуть из области нашего сознания темное дореволюционное прошлое этих мест или племен...

Для каждого тюрколога ясно, что Навои говорил и писал на одной большой из других групп тюркского (узбекского) языка, которые дошли и до наших дней. Для каждого тюрколога неоспоримо в силу этого, что Навои является действительно родоначальником или основоположником узбекского, по теперешней терминологии, литературного языка и литературы, которые ведут свой новый этап со времени Октябрьской революции³.

Навои — узбекский, в современном нашем понимании, а не в историческом, поэт и прозаик.

Если на востоке Центральной Азии (в Силь-Цзяне, Гань-су, не говоря уже о Монголии древнего периода) тюркский язык очень давно стал литературным, на нем имела уже обширная (главным образом переводная) литература буддийских священных книг, менее обширной была манихейская и христианская литература; еще тюркским языком, а не арабским пользовались и в деловых юридических документах (X—XIV вв.) по купле, продаже рабов и рабынь, пахотной земли, виноградников, по займам, по аренде и пр., и пр. и в надгробных памятниках, — то далеко на западе от Центральной Азии (именно в Малой Азии, в Средней Азии) тюркский язык только с трудом пробивал себе дорогу на право гражданства и общего признания в литературе. Здесь, с распространением ислама, как в изящной литературе, так и в деловых актах, да и в живой речи высшего, придворного класса был язык религии, язык культуры и государственности — язык персидский, а затем язык арабский. Мир Алишеру Навои пришлось утверждать право на литературное существование среднеазиатского тюркского языка, как и Ломоносову, и научно-теоретическими трактатами, и высокохудожественными стихотворными и прозаическими произведениями. И Навои в защиту своего родного тюркского языка написал теоретический трактат „Тяжба двух языков“ и фактически доказал возможность литературы, написав много поэтических литературных трудов в прозе

² Ср. „Алишер Навои“, сборник статей, изд. АН СССР, 1946, стр. 96, 102 и 120.

³ Ср. Абуль-Гази, Родословное древо тюрков, перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906, (1914), стр. VI.

и стихах, чрезвычайно высокого поэтического достоинства. В своем сочинении „Тяжба двух языков“ Навои сравнивает со стороны лексики и грамматики языки персидский и тюркский. Арабский язык, как язык бога и пророка Мухаммеда, разумеется, здесь вне обсуждения, вне критики и вне сравнений. Тюркский же язык, по Навои, ничем не уступает языку персидскому, а во многих отношениях даже и превосходит его. Это Навои доказывает на всем протяжении 60—80 страниц.

Если так туго было тюркскому языку в Средней Азии в мусульманском образованном мире, где первенствовали языки арабский и персидский, то немногим только легче было положение тюркского языка в Малой Азии. Здесь только не больше двухсот лет до Навои турецкий язык начал завоевывать право гражданства. Здесь первые турецкие, собственно сельджуцкие, авторы — Джелялуддин Руми (ум. 1273) и его сын султан Велед (ум. 1312), сочиняя на турецком языке, даже извиняются, что они высокие, божественные богословские истины пытаются облечь в язык тюрков⁴.

Сказать без всяких оговорок, что до Навои в Средней Азии тюркский язык в литературе не употреблялся, — было бы совсем не правильным: это бы не соответствовало реальным историческим данным. Сам Навои в своем историко-литературном труде „Маджалису-ун-нафаис“ („Собрание редкостных людей“) указывает на ряд крупных поэтов-современников и своих предшественников, которых по литературному таланту он ставит очень высоко и которые писали на тюркском языке (например, Лютфи, Атаи). Мало того, очень задолго до Навои, в XII в., в теперешнем городке Туркестан, раньше называвшемся „Ясы“, жил и писал свой „Диван-и хикмет“ („Книга премудрости“) Ходжа Ахмед Ясвийский, т. е. Ясский, Туркестанский, т. е. из гор. Туркестана, на таком тюркском языке, который каждый современный нам узбек, правда старого поколения, считает совершенно своим, родным, близким и узбекским. Сочинения Ахмеда Ясеви читаемы теперь и понятны хорошо для старшего поколения, а это, конечно, условия времени. По содержанию, понятно, это сочинение не подходит для широкого чтения нашей узбекской молодежи, это — мистико-религиозное (суфическое) сочинение, да и лексика, возможно, тоже сильно будет препятствовать пониманию. Теперь у современных образованных узбеков уже менее распространено знание арабского и персидского языков, чем раньше. То же, конечно, нужно сказать о Навои. Ведь, он писал 500 лет назад, был весьма образованным человеком мусульманской культуры, в чине визиря (министра — лорда хранителя печати), знал, как он сам сообщает, персидский язык в совершенстве. Неудивительно, что теперь, как мы, русские, сопровождаем свой памятник языка — „Слово о полку Игореве“ (XII в.) списком редких, малопонятных и устаревших слов, так и узбекам приходится, если кто видел издания Навои, сопровождать их списком, и даже не списком, а целым словариком этих теперь мало понятных и редко употребительных в узбекском языке, арабских и персидских главным образом, слов с их переводом на узбекский современный нам язык. Что касается Ахмеда Ясеви, то он в XII в., как и другие редкие старые авторы, был, конечно, исключением. Эти прекрасные родники народной тюркской речи не могли тогда, в старое время, пробить толщу принятых литературных традиций с арабским и персидским языками. И только творчеством Навои ясно упрочивается употребление тюркского языка в литературе Средней Азии. И в этом не малая заслуга Навои, его поэтических и прозаических сочинений. Но мне бы хотелось указать и на другое значение Навои в истории тюркских литератур и языков. Для этого обратимся несколько восточнее от Средней Азии, обратимся своим взором к просторам Средней Азии в более обширном смысле, или к Центральной Азии.

⁴ См. Записки Восточн. отд. Рус. арх. об-ва, т. XXIV, П., стр. 228 и 232.

Во время жизни Навои, в XV в., здесь, в Центральной Азии, столкнулись две крупные религии: ислам с запада и буддизм с востока и юга, столкнулись вместе с этим две культуры: исламская (арабо-персидская) и буддийская (тибетско-индийско-китайская), столкнулись и две письменности, два алфавита: арабский, направлявшийся с запада на восток, и уйгурский алфавит, направлявшийся с востока на запад.

Но этого мало. В Центральной Азии в XV в. столкнулись в последней схватке за существование и две языковые стихии. Тюркский язык — „й“ с запада и тюркский язык — „д“ с востока. Поясню это примерами. Если на западе говорили „айак“ (нога), то на востоке, где был „д“-язык, произносили это слово „адак“. Или: на западе — „кой“ (класть), „той“ (насыщаться), а на востоке — „код“ и „тод“ и т. п. Разумеется, я здесь указываю весьма яркий (и всеми принятый) классификационный признак (еще, см. ниже, имена числительные), который ведет за собой и другие особенности, присущие каждому из этих двух языков в отдельности.

Китайский Туркестан был ареной этих противоположных враждовавших течений, или направлений: как раз здесь в XV в., во время жизни и деятельности Навои, ислам окончательно восторжествовал над уступившим ему здесь место буддизмом. Тюрки Китайского Туркестана с XV в. воспринимают окончательно ислам и исламскую персидско-арабскую культуру. Весь этот процесс исламизации шел с VIII в., но с XV в. Китайский Туркестан становится, строго говоря, окончательно таким, как теперь, т. е. мусульманской страной со всеми присущими этому качествами. Одновременно с буддизмом сошли на нет христианство и манихейство. Но эти религии имели меньше исповедников-уйгуров в Центральной Азии и, надо думать, замерли, конечно, даже до XV в. Прибавлю, что путешественник Марко Поло (XIII в.) в городах Китайского Туркестана застал еще христиан; он посещал христианские храмы уйгуров и пел в них гимны деве Марии „Ave, Maria!“.

В Центральной Азии, в противоположность западной части Азии, тюркский язык уже давно приобрел права гражданства. На этот язык были переведены почти все буддийские книги, составляющие главный официальный буддийский канон священных книг.

Переводы на тюркский уйгурский язык делали с разных языков, более всего с китайского языка. Делались также переводы и с тибетского, индийского (санскритского), с тохарского.

Нам теперь неизвестно, знал ли Навои эту буддийскую, христианскую и манихейскую литературу. Особенного затруднения ведь при чтении этой литературы на „д“-языке для представителя тюркского „й“-языка не могло бы быть, имея в виду такого образованного человека, каким был Алишер Навои. У него встречается, совершенно вскользя (2—3 раза) упоминание об уйгурской литературе. Но что разумел он здесь — неизвестно. Возможно, что здесь он разумел мусульманскую литературу на уйгурском „д“-языке Китайского Туркестана. Не забудем, что Навои был слишком западник и, кроме того, мусульманин, для которого буддизм и христианство были идолопоклонством. При Навои была широко распространена (и именно в Средней Азии, а не в Центральной) и мусульманская литература на „д“-уйгурском языке. Как раз в Герате, месте жительства Навои, переписывалась и читалась главным образом эта дидактическая мусульманская литература. Здесь можно упомянуть „Книгу счастья“ (XI в.), „Подарок истин“ (XII в.), несколько коранов XIV в., переведенных на тюркский литературный (уйгурский) язык, и другие вещи.

Почему-то очень долго в землях Средней Азии во всех трех Туркестанах — Западном, Восточном и Афганистанском, уже при господстве сильно упрочившегося и распространившегося ислама вместе с его арабской графикой, можно видеть сочинения, писанные не только арабским

письмом, но и на уйгурском алфавите. Мы имеем еще несколько двуалфавитных (арабско-уйгурских) рукописей чагатайских поэтов. Можно отметить еще, что в 1469 г. отец султана Бабура в Андижане Омар-шейх дает льготный документ маргинанскому (маргеланскому) вельможе Мир Сейиду Ахмеду, писанный уйгурскими буквами; язык этого документа если и не уйгурский, то во всяком случае носит некоторый отпечаток уйгурского языка.

За последнее время в Турции найдена еще грамота 1468 г. султана Абу Саида, который был отцом Омар-шейха. Эта грамота писана двумя алфавитами — уйгурским и арабским (изд. Ниметом Куратом в Стамбуле в 1940 г.).

Но и эти вещи в Средней Азии были во время Навои до некоторой степени уже анахронизмом. Я разумею уйгурский шрифт и „д“-язык. Их переписывали и имели только любители старины, эстеты. Такие общества, или кружки, эстетов-археологов, любителей старины были, возможно, как я сказал, в Герате в XV в. во время Навои, так как из этого города мы имеем несколько рукописей, писанных двумя алфавитами: уйгурским и арабским, например „Подарок истин“, сочинение поэта Лютфи⁵, „Книгу счастья“ (Кутадгу Билиг) XI в. и др.

С запада, как я сказал, шел на восток ислам. Вместе с этим движением шла и арабская образованность и, разумеется, арабский алфавит на смену употреблявшегося до того у тюрков уйгурского алфавита, где буквы идут сверху вниз и строчки слева направо. Этот уйгурский алфавит был заимствован монголами, так как уйгуры были когда-то в древнее время учителями монголов. Но этого мало. Если раньше, в древнее время, среди тюрков литературные течения, лексика и вообще влияние языка тюрков направлялось с востока на запад, то позднее, в средние века, по части тюркского языка движение пошло уже с запада на восток. Это, например, очень хорошо видно, если мы сравним хотя бы „Книгу счастья“ XI в. с юридическими документами XI—XIV вв. Книга счастья (из Кашгарии) содержит в себе уже очень много арабских и персидских слов. Книга эта вполне мусульманской культуры. Можно прибавить здесь еще, что в это же самое время, XII в., уроженец Кашгара Махмуд пишет свое трехтомное сочинение по тюркским языкам целиком на арабском языке; далее же на восток в это же время или даже позднее лет на сто в юридических документах тюрков из Турфана арабских и персидских слов мы почти не найдем. Во всех известных нам документах слов арабских и персидских не более полдесятка. Разумеется, арабским и персидским словам нужно было время, чтобы из Кашгара проникнуть далее на восток в Турфанский, например, оазис. Казалось бы, арабским словам было бы очень уместно заполнить все эти юридические документы, но этого не случилось. Терминология была выработана уйгурами своя собственная. О движении языка в средние века с запада на восток видно и из употребления в этих же памятниках письменности системы счета. Западная (новая) система счета постепенно шла на восток. В XI в. старой системы счета уже не было в Кашгарии, но в Турфане она еще употреблялась в юридических документах до XIII—XIV вв., а еще дальше на восток, за Великой китайской стеной у современных нам уйгуров буддистов — желтых уйгуров старая, а не новая, система счета сохранилась и употребляется даже и теперь. Разница между старой и новой системами состоит в том, что теперь числа из десятков и единиц выражаются так, что большее число, т. е. десяток ставится впереди, а на втором месте идут единицы; например, одиннадцать по-татарски будет „десять один“, так и везде, за исключением современных нам желтых уйгуров Китайской провинции Ганьсу. В древ-

⁵ В. В. Бартольд, Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее, Доклады Росс. Академии Наук, 1924, стр. 57—58.

нее же время, а у ганьсуйских уйгуров и теперь, „одиннадцать“ выразилось и выражается через „один двадцать“; „тридцать три“ будет выражено через „три сорок“.

К XV—XVI вв. (это, конечно, совсем приблизительно) в Центральной Азии менялась религия, вместе с чем менялся и алфавит и даже постепенно менялся частично и язык: он из „д“-языка переходил в тюркский же „й“-язык, каковым продолжает быть этот язык в Китайском Туркестане и в настоящее время. Мне хочется думать, что в этом общем движении культуры с запада на восток Навои был не только захвачен и увлечен потоком, нет, он сам, следует думать, — отчасти двигал и направлял этот поток языка и литературы. Он был не только фактом, но и фактором истории. Навои способствовал скорейшему распространению тюркского языка и литературы с запада своими гениальными поэмами-романами. Он был чрезвычайно любимым, читаемым автором, и об этом свидетельствуют нам многочисленные, дошедшие до нас от разных веков, рукописи его сочинений. И в настоящее время в Китайском Туркестане, даже в глухих уголках Лоб-нора, стихи Навои читаются, поются и декламируются. Сюжеты его поэм рассказываются в виде отдельных сказок и рассказов и пр. Все это я слышал непосредственно сам. Об этом же сообщают нам путешественники по Центральной Азии, например шведский путешественник Свен Гедин.

Одним словом, влияние Навои дошло до Великой Китайской стены вместе с „й“-языком. Дальше Китайской стены влияние Запада, а вместе с тем и влияние Навои, не пошло: желтые уйгуры Гань-су об исламе ничего не знают; о саларах же, живущих по реке Хоан-хе, около гор Сюн-хуа-тина, и исповедующих ислам, читают ли они сочинения Навои, сказать ничего не могу — за отсутствием данных.

Нечего говорить, что Алишера Навои переписывали и читали и читают и в Средней Азии, и в Татарии, Азербайджане, Турции, Афганистане, Индии...

Заслуги Алишера Навои не ограничиваются тем, что им окончательно узаконено употребление в литературе среднеазиатского тюркского языка вместо персидского. Как видим, резонанс от Навои был еще больше: благодаря его трудам, значительно ускорился процесс перевеса языка — „й“ над „д“-языком и весьма упрочился в литературе во всем Китайском Туркестане, как и в других Туркестанах, тюркский „й“-язык.

Навои является не только основоположником узбекского литературного языка („й“-языка), нет, он, вместе с этим, был и в числе причин, или факторов, преобразовавших тюркский „д“-язык в Центральной Азии.

Если все мной вышеприведенное будет принято, тогда значение и влияние Алишера Навои вырисовывается в гораздо большей степени, чем это казалось нам до сих пор.